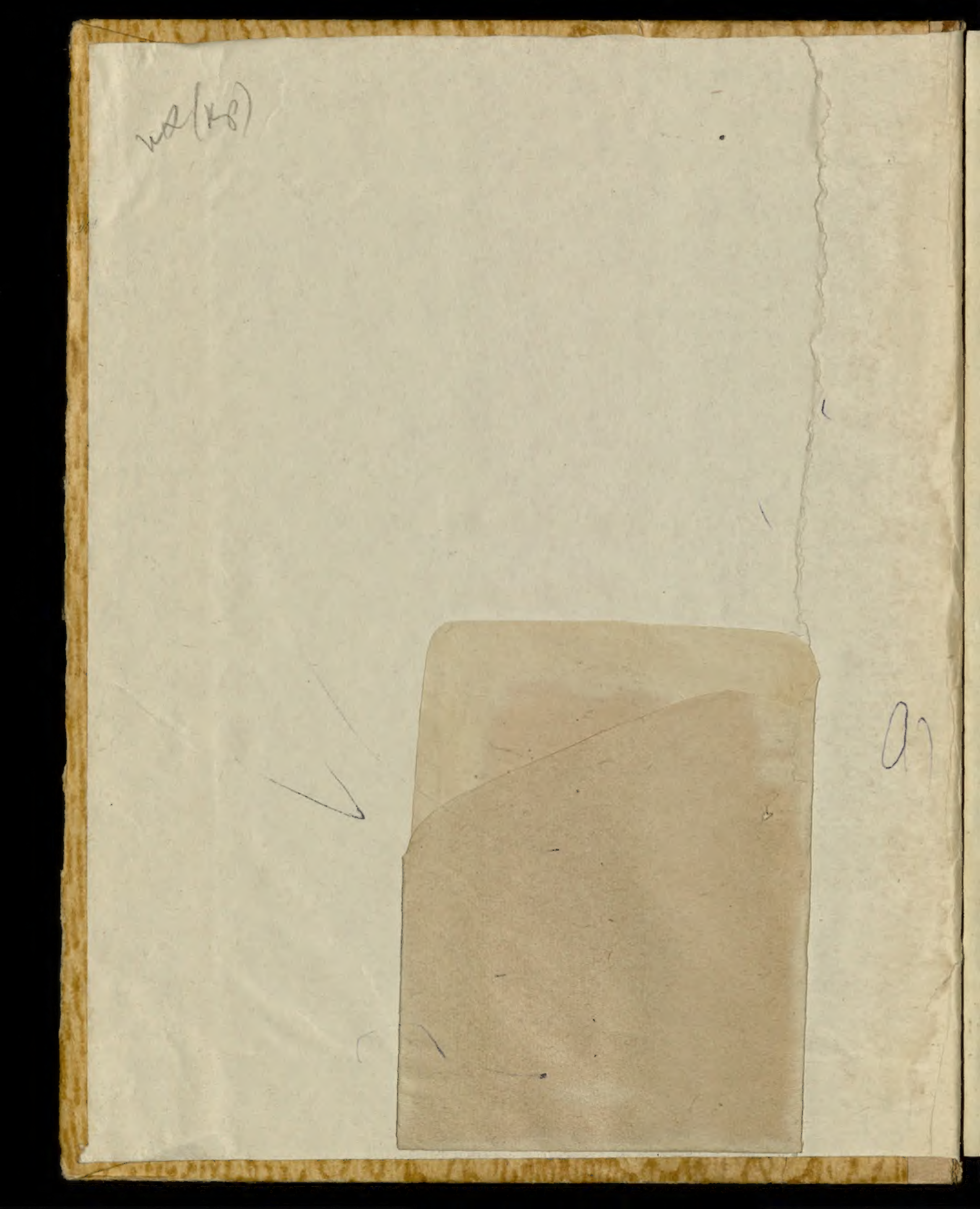
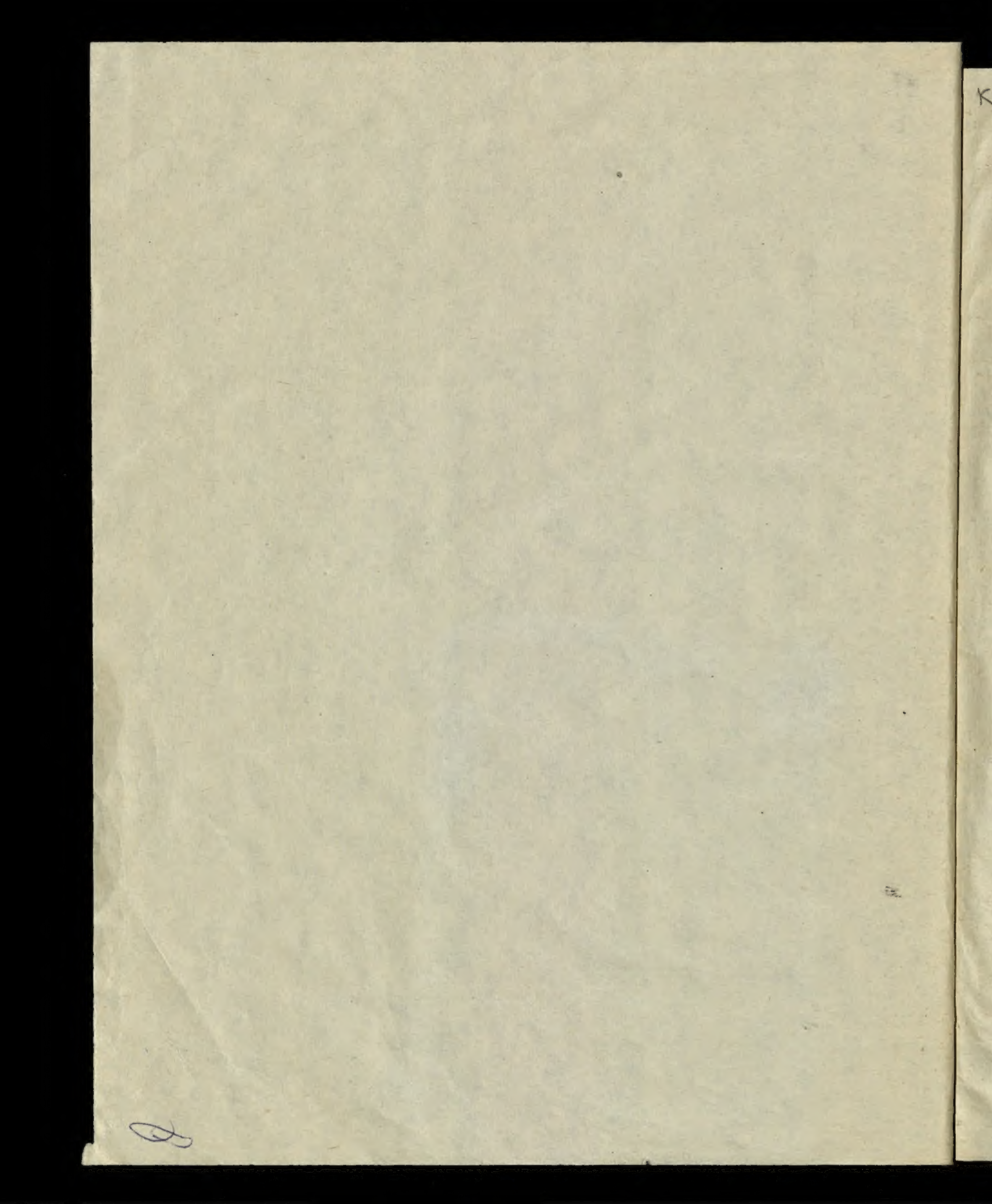
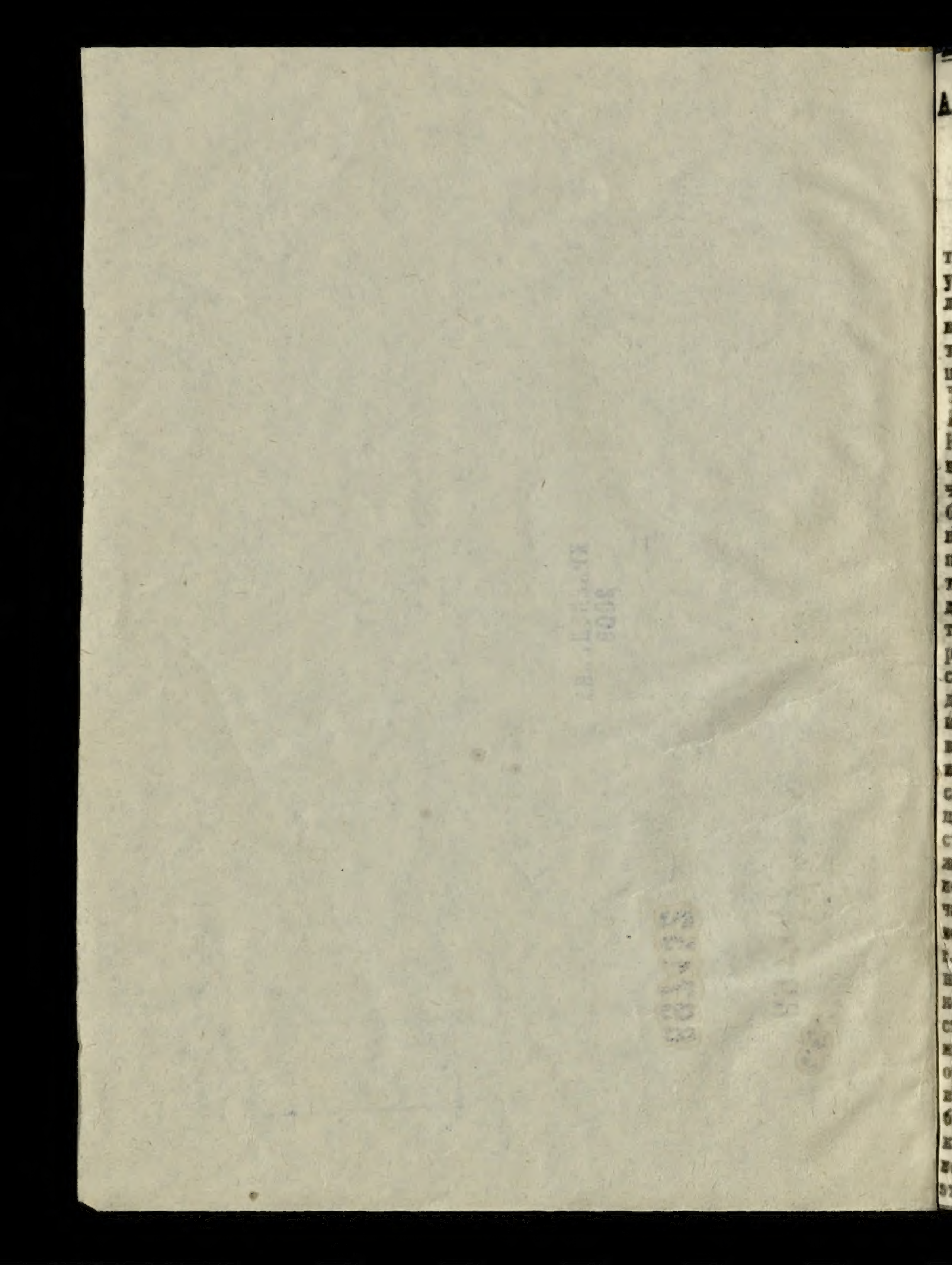
А.П.Ермолов в 1827г. в гостях у моего отца в Орле

В. Бурнашев.

—•—

А. П. ЕРМОЛОВЪ ВЪ 1827 ГОДУ ВЪ ГОСТЯХЪ У МОЕГО ОТЦА ВЪ ОРЛѢ.

(Изъ «Воспоминаній крайней юности петербургскаго старожила»).

Мой отецъ еще при бывшемъ министрѣ внутреннихъ дѣлъ О. П. Козодавлевѣ (который умеръ, кажется, въ 1818 году) былъ сдѣланъ начальникомъ мануфактурнаго отдѣленія въ департаментѣ мануфактуръ и внутренней торговли; этотъ департаментъ впослѣдствіи перешелъ въ министерство финансовъ къ графу Д. А. Гурьеву, по смерти котораго, въ 1823 или 1824 г., министромъ финансовъ сдѣлался Е. Ф. Канкринъ, въ то время генералъ-лейтенантъ, никогда не бывавшій въ сраженіяхъ, въ качествѣ генералъ-интенданта арміи, но любившій употреблять выраженіе: «Нашъ братъ, военный человѣкъ». Въ 1825 году, какъ теперь помню, отца моего въ его казенной квартирѣ въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, въ домѣ Васконти (въ Сергіевской улицѣ на углу, такъ называвшагося тогда, Неплюевскаго переулка, отъ дома сенатора Неплюева, впослѣдствіи купленнаго подъ училище правовѣденія) посѣщалъ весьма часто и оставался иногда въ кабинетѣ отца до поздней ночи высокій, худощавый, смуглый, крѣпко смахивавшій на испанца или на мавра, французскій подданный, господинъ де Кастелла. Французское произношеніе этого довольно величественнаго и съ тѣмъ вмѣстѣ необыкновенно живаго и даже стремительнаго джентльмена носило печать того акцента, какимъ отличался говоръ обитателей южной Франціи съ весьма твердыми и рѣзкими удареніями. Бесѣды г. Кастелла съ моимъ отцемъ имѣли главнымъ предметомъ—введеніе правильнаго шелководства въ Грузіи, гдѣ шелководство существуетъ съ незапамятныхъ временъ, но производится самымъ грубымъ и варварскимъ образомъ, почему Кастелла хлопоталъ, повидимому, о томъ, чтобы ему предоставлены были въ разныхъ мѣстахъ участки земли, на которыхъ онъ могъ бы развести и свое тутовое дерево, и своего червя и цвѣтъ за всѣмъ этимъ уходъ чрезъ своихъ работниковъ и работницъ, причемъ онъ обязывался на свой же счетъ выстроить шелкомотальни и другія, приспособленныя, къ этому дѣлу, заведенія. Помню, что послѣ безчисленныхъ вечеровъ, проведенныхъ г. Кастелла у моего отца, когда громкій голосъ его, несшійся изъ кабинета, гремѣлъ по всѣмъ обширнымъ комнатамъ нашей квартиры, прожектеръ этотъ оставилъ Петербургъ и уѣхалъ на Кавказъ, снабженный изъ департамента оффиціальными отношеніями, за подписью министра, къ главнокомандовавшему тогда на Кавказѣ генералу Ермолову, имя котораго въ тѣ времена было на устахъ всѣхъ и каждаго. Передъ отъѣздомъ своимъ изъ Петербурга, г. Кастелла, помню, наканунѣ этого дня, обѣдалъ у моего отца, и тогда то я его въ особенности подробнѣе видѣлъ и слышалъ. Съ восторженностью провансальца, помню, онъ говорилъ о своемъ предпріятіи и хотѣлъ, совмѣстно съ шелководствомъ, развести множество другихъ полезныхъ отраслей народной промышленности на Кавказѣ.

— «Nous ferons de la Géorgie le paradis terrestre te l'empire russe»! (Мы изъ Грузіи сдѣлаемъ земной рай русской имперіи!) восклицалъ онъ, бросая свои пламенные взгляды направо и на лѣво.

Въ январѣ 1826 года отецъ мой получилъ отъ этого восторженнаго господина Кастела письмо изъ Тифлиса. Провансалецъ былъ въ восхищеніи отъ пріема, сдѣланнаго ему генераломъ Ермоловымъ, и отзывался, какъ теперь помню, въ письмѣ своемъ о знаменитомъ кавказскомъ героѣ такъ: «Comme général, sa réputation est faite depuis longtemps; mais il est admirable comme administrateur. Et quel homme adorable, ah!, monsieur, quel homme, ce général à tête de lion et à coeur de bronse!...» (Какъ военачальника, репутація его сдѣлана давно; но онъ удивителенъ какъ администраторъ. И какой, обожаемый достойный человѣкъ. Ахъ! милостивый государь, что за человѣкъ этотъ генералъ съ львиною головою и съ бронзовымъ сердцемъ!..). Впослѣдствіи, гораздо уже позже, живя и служа въ Орлѣ, отецъ мой узналъ стороною, что Кастелла съ Кавказа пробрался въ Одессу, ѣздилъ во Францію, привезъ оттуда нѣсколькихъ французовъ въ Тиф-

лисъ, началъ свое дѣло съ горячностью; но сдѣлался жертвою какой-то мѣстной болѣзни, и, бѣдняга, умеръ, не успѣвъ привести въ исполненіе своего предпріятія—превратитить Грузію въ земной рай русскаго царства.

Въ августѣ мѣсяцѣ 1826 года, какъ я имѣлъ случай говорить не разъ, мы пріѣхали въ Орелъ, гдѣ отецъ мой служилъ вице-губернаторомъ, о чемъ я упоминалъ уже въ моихъ статьяхъ: «Уланъ Клеровъ» и «Встрѣча на станціи съ Аракчеевымъ» («Бирж. Вѣд.»). Въ первой изъ этихъ статей я ошибся въ годѣ, когда А. П. Ермоловъ прибылъ въ Орелъ, сказавъ, что это было въ 1826 году, тогда какъ это было лишь въ 1827 г. *) Дѣйствительно, ошибка крупная и для меня прискорбная, тѣмъ болѣе, что ежели я, не полагаясь на записки, веденныя на листкахъ календаря 1826 года о событіяхъ 1827 года, заглянулъ бы хоть въ плохенькій «Справочный словарь» г. Старчевскаго, то не впалъ бы въ эту досадную ошибку, восхищающую нѣкоторыхъ лаяльщиковъ. Но все-таки фактъ тотъ, что въ первый разъ въ моей жизни я видѣлъ величественную фигуру А. П. Ермолова въ домѣ полковника А. А. Бестужева послѣ тиръ д'арма, бывшаго у послѣдняго. До этого дня недѣли за двѣ только А. П. Ермоловъ пріѣхалъ изъ Грузіи въ орловскую подгородную деревню своего отца Петра Алексѣевича, и оттуда въ пошевняхъ на двужильной тройкѣ прискакалъ однажды въ Орелъ, гдѣ сдѣлалъ на-скоро нѣсколько визитовъ, изъ которыхъ каждый длился не долго, минутъ 10—15 не больше. Такой-то визитъ былъ имъ сдѣланъ и моему отцу, поутру часу въ одиннадцатомъ. Онъ тогда сказалъ нѣсколько самыхъ обыкновенныхъ фразъ, входившихъ въ тогдашнія свѣтскія вокабулы и, смѣясь, рекомендовалъ себя, какъ неумѣлаго прикащика у свѣдущаго помѣщика-винокура, т. е. его старика отца, дѣйствительно, какъ въ то время всѣ говорили, превосходнаго хозяина. Мнѣ въ этотъ разъ не удалось видѣть знаменитаго кавказскаго героя, о которомъ я уже въ ту пору такъ много начитался и стиховъ и прозы, а въ особенности стиховъ Жуковскаго и другихъ его пламенныхъ воспѣвателей. Я никогда такъ не сѣтовалъ на урокъ математики, какъ въ этотъ разъ, потому что безплодное и безтолковое зубреніе логариѳмовъ по таблицѣ Каллета, лишило меня въ этотъ часъ наслажденія видѣть и слышать знаменитаго Ермолова.

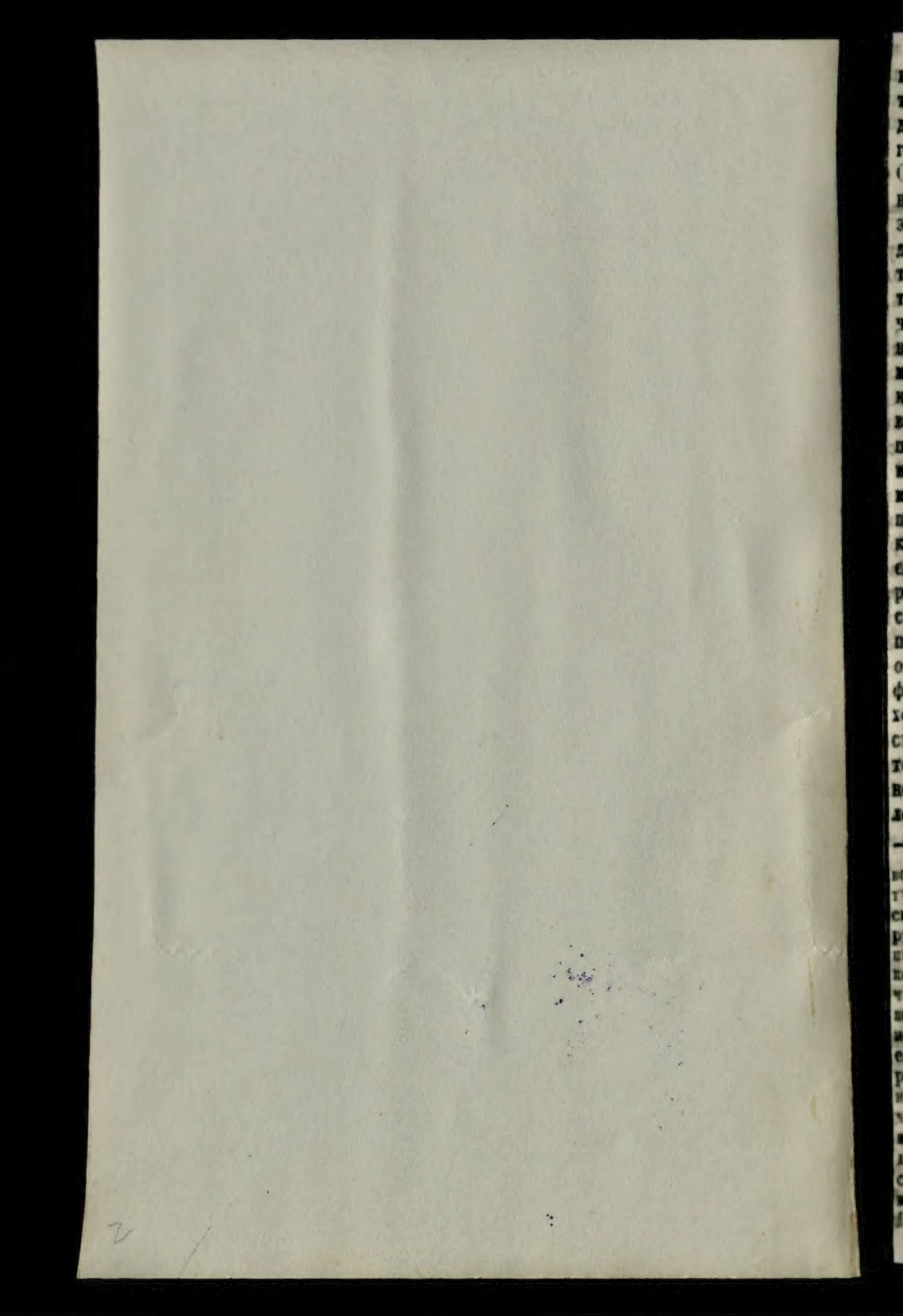
За тѣмъ ужъ когда мнѣ удалось видѣть «безсмертнаго мужа», какъ я въ моемъ дѣтскомъ восторгѣ и увлеченіи его всегда именовалъ, послѣ бестужевскаго тиръ д'арма, на которомъ мнѣ случайно привелось уронить рапиру изъ руки опытнаго бойца *), я былъ весь

---

*) Эти ошибки совсѣмъ другаго рода чѣмъ тѣ, которыя въ статьяхъ моихъ отыскиваютъ тѣ жалкіе людишки, которые, какъ магометане, ведущіе свое лѣтосчисленіе отъ эгиры или бѣгства Магомета въ Мекку, ведутъ всю свою хронологію по выпускамъ гвардейской юнкерской школы, почему, ничего другаго кромѣ годовъ и эпохъ этихъ выпусковъ не зная, эти близорукіе критики силятся доказать, что описанный мною въ статьѣ моей: „Эпизодъ изъ бальнаго сезона 1835 года“ не могъ быть въ январѣ, а развѣ въ декабрѣ того года, потому что г. Столыпинъ былъ произведенъ въ офицеры изъ юнкеровъ не вмѣстѣ съ Лермонтовымъ въ 1834 году, а во второй половинѣ 1835 года и могъ быть на балѣ дворянскаго собранія или въ декабрѣ 1835 года или въ январѣ 1836 года. Охотно принимаю замѣтку этихъ крохоборовъ, и буду считать мой эпизодъ, совершившимся въ январѣ 1836 года, отъ чего суть дѣла нисколько не измѣняется и всякъ тотъ, въ комъ хоть крошка смысла есть, пойметъ, что не легко запомнить съ точностью на память всѣ возможныя числа и даты. Точно такъ, какъ эта суть нисколько не измѣнится, если вмѣсто, наприм., графини Мордвиновой въ томъ же разсказѣ, по обмчивости моей памяти, туда вовлекшейся, фигурировать тамъ будетъ хоть графиня Влодекъ, графиня Сиверсъ, или другая тогдашняя барыня знакомая матери моей quasi-кузины, существованіе которой, (это ужъ до невмовѣрности забавно и даже нелѣпо!), какъ я узналъ, какой-то несчастный quasi-писатель отвергаетъ на столбцахъ своей газетки, читаемой, не смотря на печатаемый въ ней романъ въ pendant Рокамболю сочиненія россійскаго Понсонъ-дю-Террайля, положительно лишь ея редакторомъ-издателемъ, да корректоромъ и обоими крайне небрежно, потому что иначе она, эта неизвѣстная газетка, не изобиловала бы такими непростительными ошибками, какъ въ типографскомъ, такъ еще болѣе въ редакціонномъ отношеніи.

В. Б.

*) Надо быть круглымъ невѣждою въ фехтовальномъ дѣлѣ, такимъ невѣждою, каковъ напримѣръ, въ этомъ по видимому недѣльный фельетонистъ

вниманіе, глядя на величественную и характерную физіономію этой истинно-львиной, тогда еще во всей силѣ мужества бывшей, головы человѣка громко - историческаго. Опять я горевалъ тогда, что это лицезрѣніе не могло быть продолжительнѣе. Впрочемъ, и этого четверти часа было вполнѣ достаточно для того, чтобы я силою свѣжей впечатлительности 14—15 лѣтняго юноши, какимъ я тогда былъ, усвоилъ въ моей памяти всѣ черты лица, всю игру физіономіи, все выраженіе глазъ этого тогдашняго «героя» не только моего, но героя почти всего русскаго общества, какъ бы утѣшавшаго его своими симпатіями въ горькіе дни его опалы. Съ тѣхъ поръ прошло 45 лѣтъ: а умѣй я владѣть кистью или пастельными карандашами, я непремѣнно могъ бы, кажется, и теперь возсоздать на память портретъ Ермолова въ томъ видѣ, какъ въ 1827 году я видѣлъ его въ Орлѣ, еще сильнаго, бодраго, величественнаго, широкоплечаго, широкогрудаго, почти безъ шеи, съ массою густыхъ темныхъ съ серебристою просѣдью волосъ, вѣнчавшихъ морщинистое, открытое, высокое чело. Въ скромномъ синемъ фракѣ, съ солдатскимъ Георгіемъ въ петлицѣ, хотя онъ былъ кавалеромъ этого ордена 2 й степени даже, — Ермоловъ всегда былъ тотъ, при встрѣчѣ съ которымъ, вовсе не знавшіе его люди, невольно обнажали головы и отъ всей души ему кланялись.

воскресныхъ нукеровъ „Голоса", чтобы удивляться тому, что 14 лѣтній мальчикъ, задѣвъ мушкою своей рапиры эфесъ рапиры, слабо держанной рукою опытнаго противника, уронилъ эту рапиру. Это случай, а не плодъ искусства. Полковникъ Бестужевъ въ 1827 году не ожидалъ, что почти ребенокъ знаетъ фортели фехтовальнаго дѣла, и, шутя дѣлалъ фальшь-атаку, небрежно держа эфесъ рапиры, которая самымъ естественнымъ образомъ, выпала изъ его мощной руки, когда его юный противникъ, зная штуку пріема, пустилъ свою полосу стали очень быстро, и чрезъ то послѣдовалъ слишкомъ крѣпкій ударъ нумерованнаго конца рапиры въ ободъ эфеса. Надобно бы было быть помѣшаннымъ, чтобъ, вслѣдствіе этого случая, считать себя мастеромъ фехтовальнаго дѣла, равнымъ Северберху, Вальвилю, Гризье, Гомбурову и проч.

Н. Н.

Нѣсколько дней спустя послѣ тѣхъ дѣлъ у полковника Бестужева, въ огромной залѣ вице-губернаторскаго казеннаго дома, занимаемаго моимъ отцемъ въ Орлѣ, — разъ въ какой то праздничный день, по возвращеніи изъ архіерейской церкви, отецъ мой, не освободившійся еще отъ своего форменнаго фрака и всѣхъ орденовъ,—внимательно разсматривалъ, разложенную на нарочно устроенныхъ вдоль оконъ, доскахъ на козлахъ, только что изготовленную губернскимъ землемѣромъ карту Орловской губерніи съ самыми мельчайшими подробностями, въ особенности рельефно выражавшими всѣ казенныя имѣнія, находившіяся тогда въ управленіи казенныхъ палатъ, лѣса, различныя угодья, мельницы, рыбныя ловли и пр. Тутъ же вездѣ яркою краскою отмѣчены были винокуренные заводы, питейные склады и питейные дома. Отецъ въ очкахъ, при помощи еще лупы, разсматривалъ все это, и пояснялъ мнѣ всѣ топографическіе знаки. Сколько помню, это созерцаніе и поясненія моего родителя не доставляли мнѣ большаго наслажденія, какъ вдругъ въ залу изъ прихожей быстрой рысцой вылетѣлъ камердинеръ моего отца, Левъ Ипатовъ, и громкимъ шепоткомъ просвисталъ: «его высокопревосходительство генералъ отъ инфантеріи Алексѣй Петровичъ Ермоловъ».—Едва кончилъ онъ эти слова, какъ въ залу твердыми шагами бодро вошелъ тотъ мой и, повторяю, тогда почти общій, герой, къ которому я чувствовалъ сильнѣйшее, неудержимое влеченіе, доходившее до страсти и обожанія.

— «А я, Петръ Алексѣевичъ, говорилъ Ермоловъ моему отцу, пріѣхалъ къ вамъ сказать вамъ мое искреннѣйшее, отъ души, русское, солдатское «спасибо» за тотъ совѣтъ, что намедни у Бестужева вы мнѣ дали на счетъ батюшкиной винокурни. Не даромъ говоритъ пословица: «дѣло мастера боится», такъ и вышло: устроили мы по вашему опытному указанію, и не нарадуемся теперь. Спасибо, спасибо, спасибо»!

Отецъ мой выражалъ свое удовольствіе, что могъ своимъ посильнымъ совѣтомъ въ дѣлѣ своей служебной спеціальности быть полезенъ его высокопревосходительству, и сбѣжавъ п

БИБЛИОТЕКА

гл...ить гостя въ гостиную; но гость, обративъ вн...аніе на чрезвычайно подробную карту Орлов...й губерніи, сказалъ:

— «Пожалуйста, Петръ Алексѣевичъ, безъ особенныхъ церемонностей. Мнѣ и тутъ прекрасно. Я охотно посмотрю нашу губернію на такой подробной, до мелочей, картѣ», и тотчасъ сѣвъ у карты, началъ ее внимательно разбирать, при чемъ немедленно нашелъ свою деревню по близости Орла. Онъ разсматривалъ всѣ тонкости и читалъ всѣ надписи простыми глазами легче чѣмъ отецъ, при помощи очковъ, а я лорнета.

— «Какое удивительное вы, Алексѣй Петровичъ, сказалъ мой отецъ, имѣете зрѣніе. Не даромъ васъ прозвали кавказскимъ орломъ, смотрящимъ прямо и на солнце, не моргая».

— «Солнце—гербъ Персіи», улыбаясь замѣтилъ Ермоловъ. «Я глядѣлъ на это солнце, правда, очень зорко; не знаю, какъ глядѣть будутъ другіе. А въ самомъ дѣлѣ, я физически дальнозорокъ необыкновенно, и эта даль-зоркость много еще усовершенствовалась въ моей боевой и полевой службѣ. Далеко видятъ горцы; но мнѣ случалось перещеголевывать самыхъ зоркихъ изъ нихъ. Карта эта очень интересна, и ежели бы вашъ землемѣръ чрезмѣръ не задорожился, мнѣ хотѣлось бы имѣть для себя собственно такую же карту, но не всей губерніи, а только уѣзда, въ которомъ сидитъ наша деревушка».

— «До отъѣзда вашего высокопревосходительства въ Москву, куда, какъ слышно, вы собираетесь, говорилъ мой отецъ, — желаніе ваше будетъ исполнено непремѣнно: я за великое наслажденіе и честь себѣ почту преподнести эту карту вашему высокопревосходительству».

— «Спасибо, улыбался Ермоловъ, но не спасибо за титулованіе. Бога ради безъ этихъ высокопревосходительствъ! Терпѣть не могу! Да и не къ лицу это нашему брату отставнягѣ. А вотъ что я вамъ скажу, Петръ Алексѣевичъ, вѣдь, мы съ вами не съ сегодня знакомы, хотя на войнѣ въ германскихъ земляхъ намъ съ вами не случалось сталкиваться. Я знакомъ съ вами по слуху отъ человѣка, правда, энтузіастическаго, но добраго и честнаго малаго. Это французъ Кастела, который мнѣ всѣ уши прожужжалъ вашею фамиліею, восклицая то и дѣло; «Oh! le chef de section, m-r Bournacheff, en voila un homme capable»! (О! начальникъ отдѣленія, г. Бурнашевъ, вотъ способный человѣкъ!) Онъ, кажется, только что не молится на васъ, этотъ восторженный Кастела».

Отецъ мой видимо былъ доволенъ, что разговоръ принялъ это направленіе и сообщилъ Ермолову то, что провансалецъ писалъ ему изъ Тифлиса o tête de lion et coeur de bronze.

— Предпріятіе Кастелы, сказалъ серьезно Ермоловъ, дѣло важное для края, гдѣ все самою природою создано для производства правильнаго шелководства, да гдѣ только нѣтъ людей умѣлыхъ и одаренныхъ для этого достаточнымъ терпѣніемъ. Кастелѣ мы дали изрядные куски земли и помогли во всемъ, въ чемъ только могли помочь. Вся однако бѣда отъ слишкомъ впечатлительнаго и быстро воспріимчиваго характера сеньора Кастела, котораго надо сдерживать съ надлежащею осторожностью отъ его стремленій къ paradis terrestre. Онъ малый предобрый, полюбилъ меня, отдался мнѣ всею душею. Надо было видѣть, какъ онъ, чудакъ, рыдалъ, словно истерическая барыня, когда я уѣзжалъ оттуда. Боюсь за его дѣло, боюсь, зная его характеръ и его увлеченія съ погоней ужь не за двумя, а за десятью зайцами разомъ. Другому начальнику

недосугъ будетъ, за громомъ военной славы (Ермоловъ иронически улыбнулся) носиться съ этимъ, впрочемъ, очень полезнымъ иностранцемъ, какъ съ облупленнымъ яичкомъ. Оставленный на свой произволъ, самодурный провансалецъ какъ бы не прыгнулъ въ enfer terrestre (земной адъ), прежде чѣмъ сдѣлать что нибудь для paradis (рая).

Послѣ этого отецъ мой велѣлъ мнѣ принести изъ его кабинета атласъ съ подробною картою Россіи, потому что Алексѣй Петровичъ изъявилъ желаніе показать моему отцу на картѣ Грузіи тѣ мѣста, какія предоставлены были Кастелѣ, для устройства на нихъ шелководственныхъ заведеній. Когда карта Грузіи, вынутая изъ сафьяннаго футляра всего атласа, была разложена, Ермоловъ, водя по ней пальцемъ, сказалъ, какъ бы ни къ кому не бращаясь:

— Сейчасъ видѣнъ аккуратный штейнгелевскій квартирмейстеръ! Картографія, картографія!... А, я думаю, Петръ Алексѣевичъ, что въ цѣломъ богоспасаемомъ градѣ Орлѣ такой географическій атласъ только у васъ окажется. Я пари готовъ держать, что и въ гимназіи такого нѣтъ.

— Нѣтъ теперь, замѣтилъ мой отецъ, но будетъ скоро: директоръ гимназіи просилъ меня выписать одинъ экземпляръ отъ знакомаго мнѣ петербургскаго книгопродавца Ильи Ивановича Глазунова. Само собою разумѣется, что я презентую эту вещь гимназіи, которой странно не имѣть у себя подробнаго географическаго атласа нашего отечества.

Алексѣй Петровичъ слегка карандашемъ, тутъ лежавшимъ, отмѣтилъ на картѣ тѣ мѣста, гдѣ должно было быть основано кастелевское шелководство. Тогда они съ отцемъ нѣсколько времени говорили довольно подробно объ этомъ предметѣ, употребляя много выраженій часто техническихъ и мнѣ вовсе незнакомыхъ, почему я положительно не могъ отдать себѣ отчета въ этомъ обмѣнѣ замѣчаній и сообщеній между бывшимъ администраторомъ края и бывшимъ высшимъ чиновникомъ мануфактурнаго управленія. Вслѣдствіе этого я и не передаю всего этого техническаго разговора здѣсь, хотя теперь, 45 лѣтъ спустя, будучи самъ таки достаточно знакомъ съ теоріею шелководственнаго производства, — я могъ бы «сочинить» эту бесѣду; но это значило бы оправдать то безсовѣстное, бездоказательное, невѣжественное и въ высшей степени невѣжливое, достойное только самыхъ грязнѣйшихъ обществъ, глумленіе и обвиненіе меня во лжи, какое дозволилъ себѣ Нилъ Адмирари въ 224 № «Голоса», воскресный фельетонъ котораго, повидимому, пишется для самаго необразованнаго слоя россійской публики.

Послѣ этой бесѣды, — Ермоловъ взглянулъ на свои геликотовскіе часы въ видѣ толстой луковицы, и, возобновляя свою благодарность за совѣтъ, ему данный, всталъ и, говоря, что ему пора заѣхать еще мѣста въ два, простился съ отцемъ, причемъ похлопалъ и меня по плечу, сказавъ съ малою улыбкою:

— «Какой у васъ внимательный этотъ блондинчикъ. Который ему годъ?

— «Пятнадцать съ, отвѣчалъ отецъ. Думаю въ будущемъ году везти въ Петербургъ».

— «Въ университетъ?» спросилъ Ермоловъ, уже надѣвая шубу въ прихожей.

— «Какъ случится, замѣтилъ отецъ, можетъ быть на службу. Лучше всякаго университета я думаю, ежели Михаилъ Михайловичъ Сперанскій, очень ко мнѣ расположенный, приметъ его въ свою канцелярію коммиссіи законовъ».

На Ермоловѣ была уже надѣта въ рукова пребольшая медвѣжья шуба, а на головѣ бѣлая па-

каха съ шелковистыми прядями. Чрезъ стекла галлереи видна была его великолѣпная пышастая длинногривая тройка кавказскихъ жеребцовъ, нетерпѣливо стоявшихъ на морозцѣ и повертывавшихъ легкія пошевни, покрытыя нѣсколькими ярко-пестрыми тегеранскими коврами. Чрезъ отворенную форточку стеклянной галлереи я любовался этою очаровательною тройкою

— «А будущій чиновникъ Сперанскаго, засмѣялся Ермоловъ, видно очень коней любитъ: такъ и пожираетъ глазами мою тройку. Благо глаза у него не черные, такъ сглаза нечего бояться».

— «Да и точно, замѣтилъ отецъ, тройка то ваша великолѣпнѣйшая! Она славится въ городѣ. Николай Михайловичъ Бороздинъ влюбленъ въ нее; а нашъ Немвродъ, Кирѣевскій, увѣряетъ, что будь у него тройка такихъ чертей, онъ бы въ саняхъ арапниками волковъ засѣкалъ».

— «Кони, ничего себѣ, ладные, сказалъ Алексѣй Петровичъ. Это чистѣйшіе карабахи; но карабахи-то именно той породы, которая годна столько же подъ сѣдло, какъ и въ оглобли. Я батюшкѣ моему, старичку, переслалъ въ разное время этихъ звѣрей косячка четыре. Плодятся толково, и, кажется, прокъ будетъ. Да и у васъ, Петръ Алексѣичъ, я замѣтилъ тройку саврасыхъ горбоносыхъ казанокъ, право, не лядащую. Пріѣзжайте къ намъ когда нибудь въ наше захолустье, да и блондинчика-то захватите. До свиданія.»

Я смотрѣлъ въ форточку галлереи, когда Ермоловъ сѣлъ въ пошевни, и рьяная его тройка, проскакавъ полкруга по обширному двору, покрытому яркимъ снѣгомъ, — выпорхнула въ распахнутыя ворота на широкую, такъ называвшуюся, «Дворянскую» улицу.

Послѣ этого я рѣшительно не помню, чтобы я гдѣ нибудь встрѣчалъ или видѣлъ А. П. Ермолова, ежели не считать того, что въ 1855 году, когда онъ былъ назначенъ начальникомъ, кажется, ополченія всей Россіи, ежели не ошибаюсь, онъ какъ-то разъ въ парныхъ саняхъ съ дышломъ ѣхалъ по Обуховскому проспекту. Я тогда жилъ въ домѣ вольнаго экономическаго общества, и въ это время я на извощикѣ загнулъ за уголъ своей 4-й роты Измайловскаго полка, выѣхавъ изъ дома, чтобъ ѣхать къ князю В. В. Долгорукову на Гагаринскую набережную. Глаза мои увидѣли мелькомъ сѣдовласаго Ермолова въ ополченской шапочкѣ съ крестомъ и въ сѣрой шинелѣ съ бобровымъ воротникомъ. Помню, что въ этотъ разъ князь Василій Васильевичъ мнѣ говорилъ: «J'ai eu aujourd'hui la visite du célébre Ermoloff. Je tacherai de le faire diner chez moi et je vous inviterai absolument». (У меня сегодня былъ знаменитый Ермоловъ. Я постараюсь, чтобы онъ обѣдалъ у меня, и тогда непремѣнно приглашу васъ).

Но предположеніе это какъ-то не состоялось: Ермоловъ скоро уѣхалъ въ Москву и не возвращался, кажется, больше въ Петербургъ до самой своей кончины. Будь же я такой выдумщикъ, какимъ прославляетъ меня почтеннѣйшій г. Нилъ Адмирари, старающійся, повидимому, тѣмъ радѣть дружку своему г-ну Комарову,—само собою разумѣется, что мнѣ ничего не стоило изобразить А. П. Ермолова у кн. В. В. Долгорукова, стенографировать вымышленную ихъ бесѣду и впутать въ нее ловко мою личность.

„Петербургскій старожилъ“

Влад. (Петр.) *Бурнашевъ.*

